Шлюпка

Автор:
Шарлотта Роган

Шлюпка

Шарлотта Роган

Впервые на русском – самый ожидаемый дебютный роман 2012 года. Книга, моментально ставшая бестселлером, удостоившаяся восторженных отзывов нобелевского лауреата Дж. М.Кутзее и букеровского лауреата Хилари Мантел; книга, уже переводящаяся на 18 языков. Но русский перевод – блистательной Елены Петровой, чьи переводы Рэя Брэдбери и Джулиана Барнса, Иэна Бэнкса и Кристофера Приста, Грэма Грина и Элис Сиболд уже стали классическими, – выходит первым! Ведь никакая другая книга так не захватит воображение читателя в столетнюю годовщину катастрофы «Титаника».

Лето 1914 года. Европа на грани войны, но будущее двадцатидвухлетней Грейс Винтер наконец кажется безоблачным: на комфортабельном лайнере она и ее новоиспеченный муж возвращаются из Лондона в Нью-Йорк, где Грейс надеется снискать расположение его матери. Но посреди Атлантики на «Императрице Александре» происходит загадочный взрыв; судно начинает тонуть, и муж успевает пристроить Грейс в переполненную спасательную шлюпку. За те три недели, что шлюпку носит по волнам, Грейс открывает в себе такие бездны, о которых прежде и не догадывалась. Не всем суждено выжить в этом испытании, но по возвращении в Нью-Йорк Грейс ждет испытание едва ли не более суровое: судебный процесс.

Что же на самом деле произошло в спасательной шлюпке?

Какую тайну скрывала «Императрица Александра»?

На что вы готовы, чтобы выжить?

Шарлотта Роган

Шлюпка

Посвящается Кевину

А также Оливии, Стефани и Нику

С любовью

Я же воспел о потопе людям.

Слушай!

Сказание об Атрахасисе, заключительные строки

Пролог

Сегодня я повергла в шок своих адвокатов и даже сама удивилась, что вызвала у них такую реакцию. Когда мы во время перерыва выходили из здания суда на обед, разразилась гроза. Адвокаты поспешили укрыться под навесом ближайшего магазина, чтобы не испортить костюмы, а я замерла под открытым небом и принялась ловить ртом капли дождя, мысленно переносясь назад во времени и в который раз проживая тот, другой дождь, что накрыл нас сплошной серой завесой. Тот ливень канул в небытие, но сегодняшний эпизод впервые навел меня на мысль, что я и сама рискую остаться там же, увязнуть в прошлом и не найти сил вырваться из десятого дня, с которым в шлюпку пришел дождь.

Он был холодным, но радость наша не знала границ. Сначала шлюпку заволокло дразнящим туманом, а потом на нас разом хлынуло как из ведра. Запрокинув головы, мы раскрыли рты и подставили живительным каплям распухшие от жажды языки. Мэри-Энн не смогла или не захотела разомкнуть губы ни чтобы напиться, ни чтобы заговорить. Мы с ней ровесницы. Ханна, которая немногим

старше, влепила ей пощечину: «А ну открывай рот, не то хуже будет!»

Скрутив Мэри-Энн, она зажала ей ноздри, чтобы заставить дышать ртом. Так они и сидели, сцепившись в зловещий клубок, и Ханна не давала ей сомкнуть челюсти, чтобы спасительная влага мало-помалу капала в разинутый рот.

– Сюда, сюда! – призывал мистер Райхманн, глава небольшой адвокатской группы, которую наняла для меня свекровь, но не из беспокойства за мою судьбу, а из опасений, что я окажусь за решеткой и тем самым запятнаю репутацию семьи.

Райхманн и его помощники звали меня под навес, но я притворилась глухой. Они страшно разозлились, что их не слышат, точнее, не замечают, а это уже совсем другая штука – на мой взгляд, куда более оскорбительная для записных ораторов, которым безраздельно внимают судьи, присяжные и другие участники процесса: те, кто поклялся говорить правду или воспользовался правом хранить молчание, а также те, чья свобода зависит от конкретной доли истины, которую они решат приоткрыть. Когда же я наконец очнулась и перешла к ним под навес, промокнув до нитки и дрожа от холода, но все же улыбаясь самой себе и радуясь вновь обретенной толике фантазии, они загалдели:

– Что это за выходка? О чем вы только думаете, Грейс? Вы рехнулись?

Адвокат Гловер, самый доброжелательный из всей троицы, накинул мне на плечи свой пиджак, и вскоре ручьями текущая с меня вода пропитала дорогую шелковую подкладку и наверняка бесповоротно испортила вещь; приятно, конечно, что обо мне проявили заботу, но я бы предпочла, чтобы испорченным оказался пиджак статного, импозантного Уильяма Райхманна.

– Пить захотелось, – ответила я, так и не утолив жажду.

– Мы же идем в ресторан. До него рукой подать. Через пару минут вы сможете заказать любой напиток по своему выбору, – убеждал мистер Гловер, а двое других тыкали пальцами в указанном направлении, бормоча какую-то ерунду; но мне нужна была дождевая и морская вода – вся бескрайняя ширь океана.

– Надо же! – выдавила я, смеясь от мысли, что могу выбрать любой напиток, только не тот, которого мне хотелось.

До этого я две недели провела в тюрьме и сейчас глотнула свободы лишь в ожидании вердикта. Хохот гигантскими волнами сотрясал мои внутренности, поэтому адвокаты сочли за лучшее оставить меня в вестибюле, куда мне и принесли еду, чтобы я клевала сэндвич под бдительным оком гардеробщика, восседавшего на своем насесте. Так мы и косились друг на друга, словно две птицы, а меня до колик распирало от смеха: еще немного – и мне бы сделалось дурно.

– Итак, – начал мистер Райхманн, когда мы воссоединились после обеда, – обсудив это происшествие, мы пришли к выводу, что защита по линии невменяемости может, несмотря ни на что, оказаться вполне перспективной.

От мысли, что я не в себе, защитники воспрянули духом. Если до обеда они проявляли нервозность и пессимизм, то теперь, дружно закурив, стали поздравлять друг друга с успешным завершением какой-то неизвестной мне тяжбы. Вероятно заподозрив у меня нервное расстройство и едва оправившись от первого шока, адвокаты решили заручиться медицинскими документами, пригодными для использования в суде; теперь они по очереди похлопывали меня по плечу и увещевали:

– Не волнуйтесь, дорогуша. Вы и без того достаточно пережили. Доверьтесь нам, мы свое дело знаем.

Упомянув какого-то доктора Коула, они добавили: «В высшей степени благожелательный человек, вот увидите», и стали сыпать его регалиями, которые для меня были пустым звуком. Не знаю, кто из них – Гловер, Райхманн или тихоня Лиггет – придумал уговорить меня восстановить по памяти цепочку в двадцать один день, чтобы впоследствии предъявить суду мой «дневник» в качестве оправдательного документа.

– Но если мы будем делать ставку на ее невменяемость, то затея с дневником теряет всякий смысл, – осторожно предположил мистер Лиггет, словно боясь нарушить субординацию.

– Пожалуй, вы правы, – согласился мистер Райхманн, поглаживая свой крупный подбородок. – Давайте посмотрим, что еще она учудит, а потом уж примем окончательное решение.

На обратном пути в зал суда, где мне вместе с двумя другими обвиняемыми, Ханной Уэст и Урсулой Грант, предстояло выдержать битву не на жизнь, а на смерть, адвокаты смеялись, размахивали сигаретами и высказывались в мой адрес так, словно меня рядом не было. Мне исполнилось двадцать два года. Замуж я вышла два с половиной месяца назад – и более полутора месяцев оставалась вдовой.

Часть I

День первый

В первый день мы почти все время молчали: просто не могли осмыслить трагедию, которая разворачивалась у нас на глазах в бурлящей воде, и силились хоть что-то понять. Вахтенный матрос Джон Харди, единственный член экипажа, оказавшийся в спасательной шлюпке номер четырнадцать, с самого начала принял командование на себя. Чтобы добавить нашему суденышку остойчивости, Харди закрепил за каждым пассажиром определенное место сообразно его комплекции, а поскольку шлюпка сидела в воде очень низко, нам было запрещено вставать и перемещаться без разрешения. Откуда-то из-под сидений он извлек румпель, прикрепил его к рулю и, кивнув на четыре длинных весла, распорядился, чтобы те, кто умеет грести, принимались за дело. Весла тут же оказались в руках троих мужчин и крепко сбитой женщины по имени миссис Грант. Харди скомандовал им отплыть как можно дальше от тонущего судна и еще прикрикнул:

– Шевелитесь, не то и вас утянет под воду, к чертовой матери!

Сам Харди стоял как вкопанный и, ни на миг не теряя бдительности, умело маневрировал среди обломков, грозивших опрокинуть шлюпку, а гребцы молча работали веслами; от напряжения у них вздулись мышцы и побелели костяшки пальцев. Другие пассажиры неумело хватались за длинные концы весел, но только мешали: лопасти то и дело проскальзывали над волнами вхолостую, даже не касаясь воды, или чиркали по поверхности вместо того, чтобы

погружаться в воду ребром и делать мощный захват. А я, переживая за гребцов, упиралась ступнями в дно шлюпки и с каждым взмахом весел напрягала плечи, как будто это могло волшебным образом ускорить ход. Временами Харди нарушал тягостное молчание, бросая фразы вроде: «Отойти еще метров на двести – и мы в безопасности», или «Минут десять, от силы двадцать – и судно полностью затонет», или «Девяносто процентов женщин и детей спасены». Его слова внушали мне уверенность, хотя только что у меня на глазах какая-то женщина, бросив за борт свою маленькую дочь, прыгнула следом и скрылась под водой. Не знаю, видел ли это Харди – скорее всего, видел: его черные глаза, стрелявшие из-под тяжелых бровей, не упускали, как мне казалось, никаких деталей. Я не стала его поправлять, а тем более уличать во лжи. Он виделся мне военачальником, поднимающим боевой дух армии.

Поскольку нашу шлюпку спустили на воду одной из последних, под нами уже кишело сплошное месиво. У меня на глазах столкнулись две шлюпки, лавировавшие среди обломков, и я, с трудом сохраняя рассудок, поняла, что Харди уводит нас к открытой воде, куда еще не успели пробиться остальные. У него снесло бескозырку, волосы развевались на ветру, глаза сверкали; он был в своей стихии, а мы обмирали от ужаса. «Поднажми, братцы! – крикнул он. – А ну покажите, из какого вы теста!» – и гребцы удвоили усилия. Тут у нас за спиной прогремело несколько взрывов, а пассажиры, оставшиеся на борту «Императрицы Александры» или попадавшие в воду, заголосили, как грешники в аду, да простится мне такое сравнение. Обернувшись, я увидела, как неповоротливый корпус океанского лайнера с содроганием накренился, а в иллюминаторах пассажирских кают заметались рыжие языки пламени.

Нас окружали куски искореженной обшивки, полузатопленные бочонки и бухты канатов, похожие на свернувшихся змей. Прибившись друг к другу, мимо проплыли шезлонг, соломенная шляпка и, кажется, детская кукла – зловещие напоминания о чудесной погоде, которой встретило нас то утро, и о праздничной атмосфере, царившей на пароходе. Когда на волне подпрыгнули три бочонка, Харди вскричал: «Анкерки – то, что надо!» – и по его приказу мужчины выловили два из них, после чего он самолично затолкал их под треугольное сиденье на корме шлюпки. В них пресная вода, втолковывал он нам, а раз уж нас не затянуло в воронку от тонущего судна, совсем уж глупо было бы подохнуть от голода и жажды; но я так далеко не заглядывала – мне было не до того. Видя, что шлюпка едва не зачерпывает бортами воду, я думала только о том, что любое промедление уменьшает наши шансы отойти на безопасное расстояние от тонущего лайнера.

Мимо шлюпки проплывали мертвые тела; оставшиеся в живых пассажиры отчаянно цеплялись за любые обломки; я заметила еще одну молодую женщину с ребенком – смертельно-бледный мальчуган кричал и тянулся ко мне. Подойдя ближе, мы увидели, что его мать мертва: ее тело бессильно висело поперек какой-то доски, а белокурые волосы веером распустились по зеленоватой водной поверхности. Малыш был в крошечном галстуке-бабочке и в подтяжках; меня поразила несуразность такого наряда, хотя я всегда ценила красивую, подобающую случаю одежду и сама в тот день, как на грех, надела корсет, нижние юбки и мягкие ботиночки из телячьей кожи, совсем недавно купленные в Лондоне. Кто-то из мужчин в шлюпке закричал: «Подойти чуть ближе – и мы дотянемся до ребенка!» На что Харди отозвался: «Отлично, кто из вас готов махнуться с ним местами?»

У Харди был хриплый голос старого морского волка. До меня не всегда доходил смысл его слов, но от этого моя вера в него только крепла. Он был своим в этой водной стихии, он знал ее язык, и чем меньше понимала в его словах я сама, тем было вероятнее, что их поймет море. Вопрос мистера Харди остался без ответа, и мы проплыли мимо плачущего в голос мальчика. Субтильного вида мужчина, сидевший рядом со мной, запротестовал: «Уж лучше дитя подобрать, чем какие-то анкерки!» Но теперь для этого пришлось бы развернуться, а потому краткий порыв сочувствия к тонущему малышу стал быстро угасать, и все промолчали. Упорствовал только худощавый старичок, но немыслимая какофония, в которую сливались адский рев пламени, ритмичный скрип уключин и человеческие голоса, отдающие команды или отчаянно зовущие на помощь, заглушала его пронзительный голос: «Он же совсем кроха. Сколько в нем может быть весу?» Впоследствии мне сказали, что этот настойчивый человек – англиканский священник, но тогда я не знала ни имен, ни рода занятий моих товарищей по несчастью. Никто ему не ответил. Гребцы налегали на весла, а мы раскачивались вперед-назад в такт их движениям – ничего другого нам, похоже, не оставалось.

Вскоре неподалеку от нас возникли трое мужчин, которые плыли в нашу сторону мощными, размашистыми саженками. Один за другим пловцы ухватились за спасательный трос, закрепленный по периметру шлюпки, и этого оказалось достаточно, чтобы через борт хлынула вода. На мгновение один из них встретился со мной взглядом. Его чисто выбритое лицо посинело от холода, но в голубых глазах явственно читалась радость избавления. По приказу Харди первый гребец ударами весла заставил разжаться одну пару рук, цеплявшихся за трос; потом настал черед голубоглазого. Было слышно, как деревянная лопасть бьет по суставам пальцев. Занеся ногу, Харди своим грубым ботинком

ударил несчастного в лицо. У того вырвался душераздирающий крик боли. Я не нашла в себе сил отвернуться; никогда в жизни ни одно человеческое существо не вызывало у меня такого мучительного сострадания, как тот безымянный незнакомец.

При описании этой драмы, происходившей по правому борту спасательной шлюпки номер четырнадцать, я поневоле упускаю из виду тысячи других трагедий, что разыгрывались среди бушующих волн у нас за кормой и по левому борту. Где-то там был и мой муж Генри: возможно, он сидел на веслах и тоже бил кого-то по рукам или же сам пытался забраться в шлюпку, но получил отпор. Я утешала себя мыслью, что Генри, который ценой неимоверных усилий обеспечил для меня место в шлюпке, ради собственного спасения действовал не менее настойчиво; но смог бы он поступить как Харди, если бы от этого зависела его жизнь? А я смогла бы?

До сих пор не могу выбросить из головы жестокость мистера Харди, – конечно, это было чудовищно; конечно, никому из нас не хватило бы духу мгновенно принять такое кровавое решение; конечно, оно спасло нам жизнь. Вопрос в другом: правомерно ли считать это жестокостью, если любое другое действие обрекло бы нас на верную смерть?

Был полный штиль, но все равно вода раз за разом захлестывала перегруженную шлюпку. Пару дней назад адвокаты экспериментальным путем подтвердили, что появление еще хотя бы одного взрослого человека средней комплекции в шлюпке данного типа создало бы непосредственную угрозу нашей жизни. При всем желании мы не смогли бы спасти других и при этом выжить. Мистер Харди это знал – и не дрогнул. Только его решительное командование в те первые минуты и часы провело черту, за которой нас ждала могила на дне океана. И оно же восстановило против него миссис Грант, самую сильную и громогласную из женщин. Она вскричала: «Изверг! Немедленно вернитесь, нужно спасти ребенка!» – хотя определенно понимала, что тем самым мы бы подписали себе смертный приговор. Зато она показала всем свою человечность, а Харди заклеймила как выродка.

Многим даже в таких условиях не изменяло благородство. Более стойкие женщины проявляли заботу о слабых, а самоотверженные усилия гребцов позволили нам быстро отойти от тонущего лайнера. В свою очередь, мистер Харди, который не оставлял намерения нас спасти, мгновенно выделил для себя тех, кто ему доверял. Остальные далеко не сразу определились в своих

пристрастиях. Я, например, вначале тянулась к пассажирам первого класса, игнорируя всех остальных, – оно и неудивительно. Вопреки всем тяготам последних лет, я очень быстро привыкла к роскоши. За нашу каюту люкс Генри выложил больше пяти сотен долларов, и я все еще тешила себя картинами триумфального возвращения к родным берегам – не в качестве несчастной жертвы кораблекрушения и дочери банкрота, а в качестве королевы бала, хотя мои туалеты и драгоценности покоились среди водорослей на дне океана. Вот Генри наконец-то представляет меня своей матери, и она сменяет гнев на милость, не устояв перед моим обаянием и свершившимся фактом женитьбы сына. А мошенники, разорившие моего отца, пробиваются к выходу сквозь толпу, обливаемые всеобщим презрением. В отличие от меня, Харди, проявив то ли жизнестойкость, то ли беспринципность, мгновенно освоился в суровых обстоятельствах; могу объяснить это его матросской сметкой и отсутствием – видимо, врожденным – душевной тонкости. Он прикрепил к поясу нож и повязал голову каким-то куском ветоши неизвестного происхождения, составлявшей разительный контраст с золотыми пуговицами на бушлате, но эти нарушения уставной формы, которые говорили о его приспособляемости и готовности к любым испытаниям, только укрепили мое доверие. Когда я наконец догадалась посмотреть на другие шлюпки, те уже были точками на горизонте, и это показалось мне добрым знаком, поскольку открытое море таило меньше опасностей, чем бурлящий водоворот вблизи места кораблекрушения. Мистер Харди учтиво обращался к женщинам «мэм» и усадил самых слабых на лучшие места. Он регулярно справлялся о нашем самочувствии, как будто от этого что-нибудь зависело, и поначалу женщины в ответ на его галантность кривили душой, заверяя, что все в порядке, хотя все видели неестественно скрюченную кисть руки миссис Флеминг и полуобморочное состояние испанки-горничной по имени Мария. Не кто-нибудь, а миссис Грант изготовила из подручных средств лубок для сломанной руки миссис Флеминг, и все та же миссис Грант первой задала вопрос, который не давал покоя многим: как в нашей шлюпке очутился Харди? Позже мы узнали, что, вопреки инструкции, предписывающей, чтобы в каждой шлюпке находился опытный моряк, капитан Саттер и большая часть экипажа оставались на борту: они помогали пассажирам и всеми силами сдерживали панику. А мы, медленно, но верно удаляясь от парохода, понимали, что лихорадочная спешка, с которой загружались спасательные средства, возымела противоположное действие – тонущее судно резко накренилось; положение усугублялось еще и тем, что перевозимые в трюмах грузы начали смещаться к одному борту, и наша шлюпка уже не могла опуститься вертикально вниз. Она ежесекундно подвергалась риску удариться о вздымающийся борт, зацепиться или опрокинуться, а матросы, вращавшие шкивы, просто выбивались из сил, чтобы удержать нос и корму шлюпки на одном

уровне. Шлюпка, опускаемая вслед за нашей, просто перевернулась вверх дном, обрушив женщин и детей в морскую пучину. С душераздирающими криками они барахтались в воде, но мы не сделали ничего, чтобы им помочь; не будь с нами Харди, мы бы, скорее всего, разделили их судьбу. После всего, что произошло, на свой вопрос о жестокости я отвечаю так: если бы мистер Харди тогда не оттолкнул утопающих, это пришлось бы сделать мне самой.

Ночь

Часов, наверное, через пять нашего дрейфа небо на западе порозовело, затем окрасилось сиреневатым и наконец пурпурным, а солнце, как будто раздувшись, сползло к темнеющей линии горизонта. Вдалеке от нас другие шлюпки раскачивались и подпрыгивали на волнах, в точности как наша, окруженная этой черно-розовой бесконечностью; нам оставалось только ждать, ибо теперь наша судьба зависела от других капитанов и экипажей, которые наверняка приняли наш сигнал бедствия.

Я не могла дождаться темноты: мне требовалось как можно скорее опорожнить мочевой пузырь. Харди разъяснил, как это можно будет проделать. Женщинам предлагалось воспользоваться одним из трех деревянных ковшей, изначально предназначенных для вычерпывания воды со дна шлюпки. Терзаясь неловкостью, Харди предложил отдать один ковш в распоряжение миссис Грант, чтобы мы подзывали ее по мере надобности и менялись местами с кем-нибудь из сидящих у борта.

– Тьфу ты! – Мистер Харди комично насупил густые брови. – Дело-то нехитрое! Разберетесь как-нибудь.

Всего пару минут назад он уверенно объяснял назначение каждого предмета из описи оснащения спасательной шлюпки, а сейчас щекотливая тема едва не лишила его дара речи.

Когда огненный диск солнца полностью погрузился в океан, я дождалась своей очереди и пристроилась с ковшом возле борта. К моему ужасу, сумрачное небо и сгустившаяся ночь не сделали меня невидимкой: вокруг просматривались оттенки света и тени, а за тенями – блеск глаз. Я сгорала со стыда: покров тьмы

оказался ненадежным, да к тому же в нашей части шлюпки люди сидели так плотно, что уединиться было попросту невозможно. Хорошо еще, что вокруг меня оказались в основном женщины и у них хватило деликатности ничего не замечать. Все мы были на равных; очень скоро у нас сложился неписаный устав, запрещавший всякое упоминание естественных надобностей. Мы закрывали на них глаза, руководствуясь чувством такта, и сохраняли приличия, хотя наша жизнь подвергалась смертельной опасности.

До этого я не могла думать ни о чем другом и пропустила мимо ушей сообщение мистера Харди о наших обстоятельствах и аварийных запасах. Теперь мне стало понятно, что в каждой шлюпке имеется комплект из пяти одеял, спасательный круг на длинном канате, три деревянных ковша, две банки сухих галет, анкерок с питьевой водой и две жестяные кружки. Кроме того, мистер Харди где-то раздобыл полголовки сыра и пару буханок хлеба, да еще выловил среди обломков две дополнительные емкости с пресной водой, – по его мнению, они выпали из перевернувшейся шлюпки. Он рассказал, что на палубе «Императрицы Александры» в особом ящике раньше хранились компасы, но во время прошлого рейса ящик куда-то запропастился, а судовладелец не успел поставить новый, поскольку из-за событий в Австрии вынужденно передвинул отплытие на более ранний срок.

– Хотите верьте, хотите нет, но моряки тоже тянут, что плохо лежит, – сказал он. А потом со значением добавил, что вовремя смекнул прихватить с собой брезентовый чехол от дождя, защищавший шлюпку на палубе лайнера.

– Зачем он нужен? – возмутился мистер Хоффман. – Такая тяжесть, да к тому же много места занимает.

Но мистер Харди твердил свое:

– В шлюпке недолго промокнуть, вот увидите. Кто знает, сколько еще нам болтаться по волнам.

Многие пассажиры надели спасательные жилеты; правда, хранились они в каютах, и, когда началась паника, не всем хватило самообладания и времени, чтобы их вытащить. Сам Харди, две неразлучных сестры и старичок по имени Майкл Тернер остались без жилетов.

Вскоре после моего возвращения на место Харди вскрыл одну из банок и впервые роздал нам галеты – твердые как камень небольшие квадратики, которые невозможно было надкусить, не размочив слюной или водой. Сжимая губами такой сухарь, я ждала, когда же краешек размякнет у меня во рту, а сама тем временем смотрела в небо, на мириады звезд, которые пронзали необъятную тьму, бескрайнюю, как океан, и молилась хранившим меня силам природы, чтобы они уберегли и моего Генри.

В душе у меня теплилась надежда, но женщины одна за другой не выдерживали и заливались слезами. Харди выпрямился в раскачивающейся лодке и провозгласил:

– Может, ваши близкие погибли, а может, и живы. Считайте, что они плывут в шлюпке, как мы, и не тратьте драгоценную влагу на слезы.

Невзирая на его совет, всхлипы и тихие причитания не смолкали всю ночь. Я чувствовала, как трясет сидящую рядом девушку, а один раз у нее вырвался гортанный звериный стон. Я осторожно тронула ее за плечо, но, казалось, ей от этого стало только хуже; убрав руку, я стала слушать монотонный плеск волн. Миссис Грант расхаживала по рядам, всеми способами успокаивая самых безутешных, но вскоре Харди велел ей сесть на место и сказал нам, что сейчас разумнее всего будет устроиться поудобнее и отдохнуть; по мере сил мы так и сделали, прижимаясь боками друг к дружке, ободряя себя и соседей. Наперекор всему, очень многие сумели подремать.

День второй

На следующее утро, когда мы проснулись, мистер Харди предъявил нам график дежурств, в том числе и для гребцов: самым крепким предстояло сменять друг друга на веслах. Миссис Грант и всем мужчинам, за исключением мистера Тернера, предписывалось занять места у бортов, рядом с уключинами, которых было восемь, и начинать грести по команде мистера Харди, посменно передавая две пары весел вперед или назад. Сам Харди прикинул силу ветра и течения, а потом я услышала, как он сказал сидевшему рядом с ним пассажиру, что грести нужно лишь для того, чтобы нас не сносило течением, поскольку сейчас самое верное дело – держаться вблизи места кораблекрушения. Все остальные по

очереди орудовали черпаками. Шлюпка сидела очень низко, и, несмотря на почти полное безветрие, вода то и дело перехлестывала через перила (или, как выражался мистер Харди, через планшир), угрожая промочить нашу одежду и входившие в аварийный запас одеяла. Больше всего доставалось тем, кто сидел на носу, на корме и на длинных скамьях вдоль обоих бортов. Эти люди загораживали собою счастливчиков, устроившихся в середине.

Закончив раздачу галет и воды, Харди велел нам сложить одеяла в носовой части шлюпки и тщательно накрыть брезентовым чехлом, чтобы защитить от брызг и от возможной течи. Он объявил, что женщины смогут в очередь отдыхать там по трое, но не долее двух часов подряд. Коль скоро на борту оказалась тридцать одна женщина – если причислить к ним маленького Чарльза, – выходило, что каждая могла один раз в сутки прилечь в этом уголке, который сразу же окрестили «дортуаром». В оставшееся время там дозволялось по желанию отдыхать и мужчинам.

После обустройства места отдыха мистер Харди обязал гребцов по возможности держаться в пределах видимости других шлюпок. Чтобы приносить хоть какую-то пользу, я весь день вглядывалась в даль, защищая глаза ладонью от слепящих солнечных бликов. Так я чувствовала свою причастность к общему делу. Мистер Нильссон, представившийся сотрудником какой-то судоходной компании, всячески ратовал за четкую организацию и пожелал выяснить у мистера Харди, на какой срок хватит запасов продовольствия, но тот ушел от прямого ответа, бросив, что это не предмет для беспокойства, коль скоро нас в ближайшее время спасут, а он абсолютно уверен, что именно так и будет. Больше мы не заводили почти никаких разговоров, тем более что бессмысленные взгляды и расширенные зрачки многих женщин выдавали состояние шока. В ту пору я знала по имени только двоих пассажиров шлюпки. Полковник Марш, крупный представительный мужчина, овдовевший несколько лет назад, ужинал за капитанским столом, как и мы с Генри; а еще я узнала миссис Форестер, тихую женщину с беспокойным взглядом, которая неизменно появлялась на палубе лайнера либо с вязаньем, либо с книгой. Полковник мне энергично покивал, а миссис Форестер, даже не ответив на мою приветственную улыбку, отвернулась.

До самого вечера мы напряженно высматривали хоть какое-нибудь судно. Все это время Харди стоически молчал, изредка обрушивая на нас географические факты или свои профессиональные познания. Меня озадачила среди прочего краткая лекция о различной отражающей способности воды в районе экватора и

у полюсов, где земная поверхность изогнута гораздо сильнее. Нашу спасательную шлюпку номер четырнадцать он называл вельботом и отмечал, что такой вельбот способен идти как на веслах, так и под парусом; действительно, в одной скамье, ближе к носовой части, имелось круглое отверстие для мачты, хотя ни мачты, ни паруса у нас не было. Кроме того, Харди рассказал, что из-за разницы в скорости вращения Земли, которая на экваторе гораздо выше, чем у полюсов, на земной поверхности образуются различные зоны ветров. В момент кораблекрушения мы шли курсом на запад в районе сорок третьего градуса северной широты, а поэтому оказались как раз в зоне преобладающих западных ветров. Он уточнил, что западный ветер – это тот, который дует с запада на восток, а не наоборот, и что мы находимся на пересечении оживленных путей, которые были освоены еще в эпоху парусных судов, использовавших преимущества западных ветров. По его рассказам, паруснику, идущему – как шел и наш пароход – с востока на запад, приходилось бороться и с течением, и с ветром, но изобретение парового двигателя позволило сократить маршрут, сдвинув его к северу, хотя идти по-прежнему приходилось против ветра. На горизонте – как раз там, где ожидалось, – в результате этих рассказов перед нами возникали видения многочисленных, на любой вкус, пароходов, спешащих к нам на выручку. Но мистер Нильссон быстро избавил нас от иллюзий:

– Кого сейчас понесет в Европу? Там война в разгаре!

При упоминании о войне полковник расправил плечи и с готовностью подтвердил: «Вот именно», однако Харди, мрачно взглянув на обоих, возразил:

– Есть ведь регулярные рейсы. Вы, главное дело, не зевайте, а то, не ровен час, угодим какой-нибудь посудине под киль.

В ожидании встречного парохода субтильный человечек – как выяснилось, священник – повел нас в молитве. При совершенно заурядной внешности у него оказался чарующий голос, и, когда он заговорил, я уже не могла отвести от него глаз. Позднее я обнаружила, что, рассуждая о малознакомых материях, он терял этот дар и только в молитве обретал себя; слова его разносились над водой, объединяя нас всех. Этот человек определенно нашел свое призвание, а я уже не впервые задалась вопросом: если обстоятельства вынуждают тебя играть роль, противную твоей природе, правомерно ли считать это человеческой трагедией? Впоследствии мне пришлось пересмотреть свое мнение о священнике, и его тенорок стал казаться мне свидетельством слабости, но тогда

отрадно было смотреть на это одухотворенное верой лицо и слушать, как высокий голос вдыхает жизнь в древние слова молитвы.

Несмотря на общую цель, среди пассажиров начались дрязги, вызванные мелочной завистью. Сидевшие вдоль бортов сильнее рисковали промокнуть от брызг, чем устроившиеся в середине, а когда мистер Харди установил очередность пользования «дортуаром», одна бесцеремонная особа, миссис Маккейн, потребовала обеспечить право на внеочередной отдых для дам ее возраста. Никаких доводов она не слушала, но, пролежав под брезентом считаные минуты, заявила, что там невыносимо жарко, а потому ее очередь следует передвинуть на ночное время. Из-за большой скученности перемещаться по шлюпке было опасно, и, когда миссис Маккейн, возвращаясь на место, пошатнулась, через борт потоком хлынула вода, отчего мистер Харди рявкнул:

– Сидеть по местам, никому не вставать без моего разрешения!

Мистер Хоффман первым высказал то, о чем думали все: шлюпка перегружена. Через пару минут полковник Марш указал на гравированную латунную табличку, прикрученную к правому борту, рядом со вторым рядом весел: «Вместимость 40 человек». Хотя нас было всего тридцать девять, все видели, что шлюпка сидит в воде слишком низко и спасает нас только штиль. Надпись на табличке озадачила всех, и в первую очередь дисциплинированного полковника Марша: он хотел не только порядка во всей вселенной, но однозначности правил.

– Одно дело – устное распоряжение, – твердил он, – но кто-то же выгравировал эти цифры на века! – Беспрестанно протирая пальцами латунь, он пересчитывал по головам тридцать девять пассажиров и удрученно качал своей крупной головой по поводу такой несуразицы.

В какой-то момент он попытался найти понимание у мистера Харди, но тот лишь огрызнулся:

– А что вы предлагаете? Жалобу настрочить?

Впоследствии мы выяснили, что длина этого плавучего средства составляла двадцать три фута, ширина – семь футов в самой широкой части, а осадка – менее трех футов по центру и что прежние владельцы «Императрицы

Александры» в целях экономии внесли поправки в проект спасательных шлюпок, которые теперь, в силу своей конструкции, могли вместить только восемьдесят процентов от запланированного предела в сорок человек. А заказ на таблички, очевидно, изменить не потрудились. Думаю, наша шлюпка не затонула в первый же день только благодаря тому, что в ней оказались преимущественно женщины, причем стройные, весившие меньше среднего.

Мистер Хоффман и мистер Нильссон часто сидели голова к голове, отчего у меня возникало впечатление, будто их что-то связывает, но, поскольку их места были на корме, а мое – в первой трети шлюпки, ближе к носовой части, ни поговорить с ними, ни расслышать их беседу мне не удавалось. Иногда они втягивали в разговор мистера Харди, хотя тот по большей части держался отчужденно. Перемещение по шлюпке давалось нам с трудом, и, когда очередная тройка женщин, направляясь к «дортуару», сделала неосторожное движение, шлюпка опять зачерпнула бортом воду. Мистер Нильссон шутливо поинтересовался, не желает ли кто-нибудь поплавать, а еще лучше – вдвоем, но полковник Марш его окоротил:

– Неплохая мысль. Покажите пример – сигайте за борт.

– Да тут никто, кроме нас с Харди, ни бельмеса не смыслит в судоходстве, – парировал мистер Нильссон и объяснил, что вырос в Стокгольме, где яхты едва ли не привычнее автомобилей. – Столкнете меня за борт – вам же будет хуже, – вызывающе добавил он, и от его шутливого настроя не осталось и следа.

– Речь идет не о том, чтобы сталкивать кого-то за борт, – речь идет о добровольцах, – резонно заметил мистер Хоффман, но тогда еще мы находились в шлюпке менее двух суток.

На море почти все время стоял штиль, и мы пока верили, что спасение близко. Мало-помалу Харди перестал отмахиваться от замечаний мистера Хоффмана и, похоже, начал к нему прислушиваться. Еще утром, в ответ на предложение как-нибудь объединиться с другими шлюпками, он громогласно заявлял:

– Нечего пороть горячку. Нам бы не пропустить пароход или траулер.

Однако теперь эта троица все чаще о чем-то переговаривалась, и к вечеру, когда мистер Хоффман опять стал излагать свои планы на случай экстренной

ситуации, Харди согласно кивнул и устремил взгляд за горизонт, как будто увидел нечто скрытое от других.

– Если поднимется ветер, спорить и препираться будет поздно, – услышала я слова мистера Нильссона, обращенные к полковнику Маршу. – Планы нужно строить заблаговременно – для верности.

Однако мистер Харди был не из тех, кто повинуется чужим приказам, и у меня возникло такое чувство, будто мы все стали заложниками каких-то тайных помыслов, но в тот миг мои мысли сковало страхом; только сейчас, находясь во власти совершенно иных сил и оглядываясь назад, я могу предположить, что сети интриг и обмана плелись в шлюпке с самого начала.

Как ни странно, с течением времени в голове у меня прояснилось. В первые часы после кораблекрушения ужас лишил меня способности трезво мыслить: я не чувствовала ни холода, ни жары, ни голода, ни жажды, принимала желаемое за действительное и докучала сидевшей рядом девушке: «Что там такое, Мэри-Энн? Впереди, чуть левее. Блестит на солнце, видишь?»; или: «Что там за темное пятно, Мэри-Энн? Похоже, корабль, да?»

К вечеру второго дня, когда громадный оранжевый шар солнца тяжело опустился в океан, люди уже достаточно отошли от первого потрясения, чтобы начать жаловаться на затекшие мышцы и промокшие ноги. Мистер Хоффман объявил:

– Если добровольцы не сыщутся, будем тянуть жребий.

Тут молчаливая Аня Робсон, о которой Мэри-Энн говорила «дамочка из третьего класса», бросила на мистера Хоффмана суровый взгляд и накрыла сынишку, Чарльза, полой своего плаща. Она не хотела, чтобы ребенок такое слышал.

– Следите за своей речью, – неизменно повторяла она, если кто-то из мужчин заговаривал о смерти или отпускал крепкое словцо. – Здесь дети.

Не понимаю, почему она так остро реагировала, – видимо, это позволяло ей забыть о море, которое бесконечностью простиралось вокруг, меняя цвет от синего к серому, когда на солнце набегала тучка, или от серого к алому, когда пылающее светило спускалось к горизонту. Молодая немка по имени Грета

Виткоппен разрыдалась, и вначале я решила, что она боится наступления темноты или скорбит о потере кого-то из близких, но потом стало ясно, что ее устрашали мужские разговоры.

Миссис Грант наклонилась к ней и похлопала по плечу:

– Успокойтесь. Вы что, мужчин не знаете?

Это мгновенно привело Грету в чувство, и она во всеуслышание заявила:

– Только людей пугают. Зачем говорить такие вещи?

В другой раз она обратилась непосредственно к мистеру Харди:

– Советую задуматься, как вы выглядите в глазах общества.

– В глазах общества! – ухмыльнулся Харди. – Общество знать не знает о моем существовании.

– Со временем узнает, – решилась она. – И будет судить ваши дела.

– Оставьте это для историков! – прокричал ей Хоффман, а Харди рассмеялся навстречу поднявшемуся ветру:

– Мы покамест не канули в историю – и слава богу! На свалку истории нам еще рановато!

По-моему, Грета первой приняла сторону миссис Грант. Я услышала ее сентенцию:

– Если они не думают о людях, вспомнили бы Господа. Господь вездесущ. Господь все видит.

На это миссис Грант ответила:

– Что с них взять – мужчины. Едва ли не каждый мнит себя богом.

А потом она у меня на глазах похлопала Грету по руке и прошептала:

– Мистера Харди я беру на себя.

Из всех пассажиров шлюпки только три женщины из Италии, да еще гувернантка Мария совсем не говорили по-английски. Итальянки, одетые как одна в длинные черные мантильи, тесной кучкой сбились впереди, то храня молчание, то разражаясь быстрыми, неразборчивыми тирадами, будто у них убегало невидимое молоко. Мария направлялась в Бостон, на службу в богатую семью, проживавшую в самом дорогом районе – Бикон-Хилл. Она то и дело закатывала истерики, но это не могло меня растрогать. Даже самые добросердечные из женщин понимали, что такая потеря самообладания может передаться остальным. Немного владея испанским, я пыталась ее успокоить, но каждый раз она вцеплялась мне в одежду, вскакивала со скамьи и принималась размахивать руками; другие женщины утомились усаживать ее на место и сочли за лучшее не обращать внимания.

Признаюсь, я подумала: как легко было бы подняться на ноги и под видом помощи столкнуть Марию в воду. Она сидела прямо у борта; мне было ясно, что без нее самой и ее экзальтированных выходок всем стало бы только лучше. Спешу добавить, что ничего подобного я не сделала, а упоминаю об этом с единственной целью: показать, как быстро в такой ситуации расширяются границы представлений, как хорошо я в глубине души понимала мистера Хоффмана, предложившего облегчить лодку, и как трудно забыть подобное предложение, единожды высказанное вслух. Вместо этого я поменялась местами с Марией, чтобы она, если не удержится на ногах, рухнула на голову мне или Мэри-Энн – только бы не в соленую морскую пучину.

Теперь я оказалась у самого борта, и гребцы, пытаясь противостоять течению, обдавали меня брызгами. Как следует подумав, я вытянула руку и коснулась воды. Она обожгла меня холодом и будто бы потянула за пальцы, соблазняя погрузиться глубже; впрочем, вода здесь была ни при чем – виной всему были рывки нашей шлюпки, а еще, не исключаю, мое не в меру разыгравшееся воображение.

День третий

За минувшие двое суток нашего дрейфа первоначальный шок отступил. Зрачки у Марии сузились до нормального размера; она даже скорчила смешную рожицу малышу Чарльзу, когда тот высунул нос из-под материнского плаща. Мы отплыли на значительное расстояние от места кораблекрушения, и останки лайнера нам больше не попадались, но возможно, мы болтались на одном месте, а обломки просто отнесло течением. В общем, «Императрица Александра» исчезла без следа. Если бы не наше бедственное положение, кто-то мог бы подумать, что ее и вовсе не было. Мысли о пароходе перекликались с моими размышлениями о Боге: оба были первопричиной всего, но либо оставались невидимы глазу, либо устранились, разбившись о свою же преграду.

Священник сказал, что это испытание укрепило – или обещало вот-вот укрепить – его веру; миссис Грант, по ее словам, напротив, укрепилась в своем безверии; а хрупкая Мэри-Энн примирительно шепнула: «Тише, тише, это уже не важно» – и торжественно затянула псалом за тех, кто в море. Мы подхватили, ощутив душевное волнение перед лицом своей трагедии и своей избранности. Меня растрогало, что даже миссис Грант пела вместе со всеми, – так велико было чувство единения и радости оттого, что мы остались в живых.

Если Мэри-Энн с детской наивностью принимала буквальный смысл библейских истин, то я, воспитанная в англиканском духе, смотрела на мир с практической точки зрения. Все то, что подвигает людей к нравственности, я считала добродетельным, но никогда не углублялась в дебри, чтобы решить, в какие именно догматы я верю, а в какие – нет. Я с почтением относилась к Библии – к тому внушительному фолианту, что недвижно покоился в маминой комнате, где мы с сестрой усаживались перед сном, чтобы послушать сказку на ночь. Был у меня и собственный томик Библии, маленький и неказистый, откуда надлежало заучивать отрывки для воскресной школы; после конфирмации, в одиннадцатилетнем возрасте, я убрала его в ящик комода и больше не доставала.

Мистер Харди сохранял уверенность и даже некоторую мрачноватую веселость.

– Везет нам с погодой, – заметил он. – Ветер юго-западный, очень слабый. Чем выше облака, тем меньше влажность. Не иначе как такая погодка еще продержится.

Меня это никогда не интересовало – ни до, ни после, но в тот миг мне по какой-то причине вдруг захотелось выяснить, почему облака белые, ведь считается, что они состоят из воды, а она бесцветная. Я спросила об этом у мистера Харди – кто, как не он, должен был знать такие вещи, но в ответ услышала:

– Море бывает синим, бывает черным, да любого, считай, цвета, а барашки на волнах белые – и все это вода.

Мистер Синклер, с которым я прежде не общалась, хотя и не раз сталкивалась на палубе, где он дышал воздухом в инвалидном кресле, тоже откликнулся на мой вопрос: не будучи специалистом, он где-то вычитал, что цвет облаков обусловлен преломлением солнечных лучей, а также тем, что при низкой температуре в верхних слоях атмосферы мельчайшие капли воды превращаются в кристаллики льда.

Зато мистер Харди разбирался кое в чем другом. Он рассказал, что на «Императрице Александре» имелось двадцать шлюпок, из которых не то десять, не то одиннадцать были благополучно спущены на воду. Это означало, что по меньшей мере половине из восьмисот пассажиров удалось спастись. В отдалении мы видели две шлюпки, но не представляли, какая судьба постигла остальные. Поначалу мистер Харди приказал гребцам не приближаться к другим спасательным средствам, но полковник Марш высказался за то, чтобы подойти на безопасное расстояние и выяснить, нет ли там наших родных и близких; у меня захолонуло сердце при мысли, что в одной из шлюпок может оказаться мой Генри, целый и невредимый. Но Харди отрезал:

– А что толку? Все равно мы друг другу не поможем.

– Мы сильны числом, – вмешался мистер Престон, хранивший самый серьезный вид, и я прыснула, решив, что это шутка: он ведь служил бухгалтером.

– Хотя бы удостоверимся, что они живы-здоровы, – настаивал полковник; ему вторил и мистер Нильссон – один из тех, кто помогал Харди отталкивать пловцов и, с моей точки зрения, не отличался особым человеколюбием.

– А если нет? – бросил Харди. – Что тогда? Последнюю рубашку отдадим? – Он не унимался: дескать, невооруженным глазом видно, что одна шлюпка перегружена не меньше нашей, а у второй остойчивость ни к черту.

– Что вы имеете в виду? – переспросил Хоффман.

– Вон у нее какой крен.

Из-за того что Харди переговаривался, естественно, с теми из мужчин, которые сидели ближе к нему, складывалось впечатление, будто только к ним он и прислушивается. Мистер Синклер, у которого отказали ноги, но не голова, и священник, чьим моральным авторитетом нельзя было пренебрегать, сидели в носовой части шлюпки, не имея возможности поговорить с Харди, но сейчас они вступились за женщин. Мистер Синклер сказал:

– Некоторые хотят узнать, нет ли там их спутников или мужей.

Его приятный тембр придал этому пожеланию особую убедительность. Священник добавил:

– Не далее как вчера вы говорили, что наша шлюпка перегружена. Если вы правы насчет второй шлюпки, туда можно было бы пересадить несколько человек.

Но его голосу не хватало силы, отчего такое предложение прозвучало необдуманно и вяло. Не дав ему договорить, Харди замотал головой:

– Сами посудите: будь у них возможность принять на борт кого-нибудь еще, неужели люди из перегруженной шлюпки не использовали бы такой шанс? Те шлюпки гораздо ближе друг к другу, чем к нам.

– Надо хотя бы переговорить с пассажирами, – стоял на своем полковник.

– Так и быть, – сдался Харди после долгой паузы. – Подойдем на расстояние слышимости, а дальше я сам решу.

Гребцы налегли на весла, а у меня перехватило дыхание на подходе к ближайшей шлюпке. Я молилась о встрече с Генри, не смея надеяться. Мэри-Энн зашептала, что готова принести в дар морю свое обручальное кольцо, лишь бы ее мать оказалась в одной из этих шлюпок, и я знала, что такие мысли возникают не только у нее. Мы шли навстречу солнцу, и его слепящие лучи

мешали разглядеть лица. Только вблизи я узнала Пенелопу Камберленд, с которой познакомилась на «Императрице Александре», но мужчин насчитала всего четверых, и Генри среди них не было. Под горестные вздохи мистер Харди вскричал:

– Ближе нельзя! Суши весла!

Какой-то бородач осведомился, как мы держимся; потом они с Харди еще обменялись парой слов, перекрикиваясь на расстоянии.

– Со вторым вельботом контакт есть? – спросил его Харди.

– Есть! – прокричал в ответ бородач, который, видимо, был за старшего. – Там народу – менее половины лимита, но с ними судовой штурман, так он, похоже, спятил: говорит, им нарочно пробили днище. Хотел часть пассажиров пересадить к нам, а когда я отказал, он двоих вышвырнул за борт. Пришлось их подобрать. Сами видите, что у нас творится.

Действительно, та шлюпка была перегружена сверх всякой меры – как и наша.

– Среди вас моряки есть? – прокричал Харди.

– Нет!

– Аварийный запас под банками – нашли?

Бородач кивнул. Мистер Харди прокричал ему, что перед крушением были отправлены сигналы бедствия и несколько радиограмм, а значит, помощь должна подоспеть в течение суток, самое большее двух; что пора бы кому-нибудь уже прийти нам на выручку и что в ожидании спасательной операции нам выгодно держать друг друга в поле зрения.

Меня даже не насторожило, что мы впервые услышали о каких-то радиограммах, но мужчины стали наперебой допытываться, каково было их содержание и поступил ли хоть один ответ.

– Какой там ответ, когда на судне пожар был, – отрезал Харди и тут же спросил бородача, известна ли ему фамилия штурмана с другой шлюпки.

– Блейк! – прогремело в ответ. – Его фамилия Блейк! – И бородач махнул в сторону другой шлюпки, качавшейся на волнах в четверти мили к востоку.

– Блейк? Точно? – переспросил Харди, обращаясь скорее к себе, нежели к своему собеседнику, и мне показалось, что по его лицу пробежала мимолетная тень, как будто эта весть озадачила его сильнее, чем он хотел показать. Но он тут же продолжил: – По возможности не теряйте нас из виду, а если начнется шторм, налегайте на весла и разворачивайте нос против ветра. Тогда сумеете продержаться.

С этими словами он дал гребцам знак к отходу.

– А как же вторая шлюпка? – забеспокоился полковник, но мистер Харди наотрез отказался к ней приближаться, заявив, что ему и без того все ясно.

Полковник заворчал, но смирился; если решение мистера Харди и было кому-то не по нутру, все прикусили язык. Сейчас я склоняюсь к мысли, что пренебрежение полупустым спасательным средством стало нашей роковой ошибкой. Трудно было поверить, что этот Блейк будет продолжать расправу, а их знакомство с мистером Харди могло сыграть нам на руку. До сих пор удивляюсь, почему смолчала миссис Грант. Если она и собиралась вмешаться, ее, видимо, опередил полковник, изменивший направление разговора.

– Откуда вы в таких подробностях знаете, что происходило в радиорубке? – обратился он к мистеру Харди.

– От Блейка. Когда рвануло, вся палубная команда бросилась наверх, к шлюпкам, чтобы обеспечить посадку пассажиров. Я смотрю – Блейк уже тут. Это, кстати, он мне приказал: «Давай-ка в четырнадцатую, дружище. Без моряка на борту им каюк».

И правда, мне смутно помнилось, что в тот трагический день мистер Харди у меня на глазах переговаривался с каким-то человеком. В других обстоятельствах я бы решила, что они ожесточенно спорили, но среди общей сумятицы и неразберихи такое даже не пришло в голову. На мой взгляд, те двое

почти не различались формой одежды, только у Харди рукава были гладкими, а у другого на обшлагах поблескивал золотой позумент. Теперь мне стало казаться, что именно этого человека и остановил Генри, когда мы выскочили на палубу после взрыва. Вскоре появился Харди; тот офицер сразу оставил нас на его попечение, а сам побежал дальше. Признаюсь, среди этого хаоса я мало что соображала и опомнилась лишь тогда, когда меня подхватили чьи-то сильные руки. Шлюпка начала опускаться; передо мной промелькнуло взволнованное лицо мужа, и больше я его не видела.

Мистер Харди решил нас приободрить. Напомнил, что мы находимся в районе оживленных морских путей, и объявил, что держит курс на Большую Ньюфаундлендскую банку: в этом названии чудилось нечто прочное и незыблемое, сродни меловым скалам Дувра или облицованной мрамором громаде здания, где служил Генри.

– К вашему сведению, этот район нанесен на карту, – добавил Харди.

Как такое возможно? – усомнилась я, в отчаянии озираясь по сторонам. Мыслимо ли отличить один квадрат океана от другого, если здесь нет никаких ориентиров, ни клочка суши, а есть лишь бескрайняя синева, играющая нами, как жалкой пылинкой?

Харди с самого первого дня вызывал у меня восхищение. Тяжелая нижняя челюсть и слегка выдающийся вперед подбородок не делали его менее привлекательным, но скитания по морям наложили свой отпечаток на его внешность и осанку. Его открытый, бесхитростный взгляд не вязался с образом прожженного морского волка. Даже в этом тесном мирке Харди постоянно был при деле. Похоже, он сроднился с морем, но никогда с ним не фамильярничал; единственный из всех, он принимал наше положение как данность. Все остальные роптали. Мэри-Энн донимала соседей бесконечными сетованиями:

– За что? За что нам такое, Боже милостивый? Чем мы провинились?

Мария с кастильским выговором твердила то же самое. Священник, истолковавший эти вопросы буквально, всерьез решил ответить проповедью, но мистер Харди не терпел славословия.

– У человека один путь: родился, страдал, помер. С чего вы взяли, что заслуживаете другой участи? – прикрикнул он, видя, что обтекаемые фразы священника не находят никакого отклика.

После каждого такого выпада полковник Марш ворчливо повторял:

– Его бы в полк – там живо спесь собьют.

Как будто нам ничего не стоило перенестись на твердую землю, вскочить в седло и ринуться в атаку под началом полковника.

Свои высказывания мистер Харди стремился облечь в конкретную форму, тогда как священник, полковник и особенно миссис Грант склонялись к философствованиям и общим словам. Например, Харди говорил так: «Если затянуть пояса, еды хватит на пять дней, а то и на шесть»; как я сейчас понимаю, он был силен тем, что верно просчитал наши возможности, вычислил, что мы находимся строго между сорок третьей и сорок четвертой параллелями, а кроме того, не обнаружил ни малейшей склонности к самокопанию. Миссис Грант, напротив, прибегала к расплывчатым, малозначащим словам утешения. И все же меня трогало, когда она, поворачиваясь то к одной, то к другой женщине, проявляла нежную заботу: «Плечо не болит?» или: «Закройте глаза и думайте о хорошем». Что касается священника, он счел своим долгом порыться в памяти, выбрать подходящие к случаю нравоучительные строки из Священного Писания и декламировать их вслух. Меня это раздражало, зато нелюдимая Изабелла Харрис, потерявшая при кораблекрушении свою больную мать, постоянно обращалась к нему с вопросами вроде: «Что говорит об этом Второзаконие?» – и священник в угоду ей цитировал, как помнил: «Всякое место, на которое ступит нога ваша, будет ваше; от пустыни до моря западного будут пределы ваши».

В то утро мы прониклись духом единения. Все своими глазами увидели, что представляет собой шлюпка, где нет мистера Харди, и возблагодарили судьбу, которая поставила нами командовать настоящего моряка, сведущего в направлениях ветра и переменчивости погоды. На поясе у него висел нож в засаленном чехле. Не кто иной, как Харди поднял на борт проплывавшие мимо анкерки, что в тот момент показалось мне верхом сумасбродства. Кто, кроме него, в тот ужасный день заглядывал хотя бы на десять минут вперед, думая о нашем спасении? Пожалуй, только священник и Аня Робсон, которые думали не только о себе, могли отдаленно сравниться с мистером Харди. Священник еще в самом начале требовал взять на борт тонущего ребенка, тогда как Аня день и

ночь укрывала под полой плаща своего сынишку Чарли; никто не сомневался, что ради него она тысячу раз пошла бы на смерть. Возможно, миссис Грант тоже была не чужда самоотверженности, поскольку любая из нас могла рассчитывать на ее надежную руку и сосредоточенный, неулыбчивый взгляд, полный участливого сострадания.

Как я уже сказала, первоначальное потрясение у нас прошло – вернее, было загнано внутрь. Мы растрачивали свое драгоценное дыхание на песни, смех и пустую болтовню. Мистер Харди, приохотивший нас по очереди рассказывать какие-нибудь истории, спросил:

– Известно ли кому, откуда у нашего парохода такое имя – «Императрица Александра»? – и рассказал, что имя это было присвоено лайнеру в день коронации российской августейшей четы, Николая и Александры.

Мистер Синклер уточнил, что отец Николая не одобрял этот брак и молодые обвенчались только после его смерти.

– Из-за этого коронацию отложили больше чем на год. Когда же она состоялась, ликующая толпа задавила тысячи крестьян, которые устремились за бесплатным угощением. В честь нового императора готовился пышный бал; Николай считал, что празднества следовало бы отменить из уважения к памяти жертв, однако ему посоветовали непременно туда поехать, дабы не оскорбить устроителей-французов. Этот случай потом долго вспоминали: одни усматривали в нем дурное предзнаменование, другие – безжалостную сущность самодержавного строя.

– Так вот, – продолжил мистер Харди, – пароход ничем с виду не выделялся, а потому владельцы надумали дать ему громкое имя, чтобы только привлечь внимание. Как-никак оснащен он был неплохо и мог бы приносить солидные барыши…

Голос его дрогнул, и дальше рассказ повернул совсем в другое русло. Судовладельцы, мол, жалованье платят грошовое, спекулируют громким именем и в ус не дуют; но, видимо спохватившись, что чересчур разболтался, Харди резко оборвал себя на полуслове и только добавил, что в итоге судно «продали ушлому янки, который знал, как выжать из этой чертовой посудины уйму деньжищ».

Поскольку Мэри-Энн обожала слушать про свадьбы, она захотела узнать у мистера Синклера, насколько пышной была царская свадьба.

– Мне известно только, что праздновали ее в Санкт-Петербурге, в Зимнем дворце, – отозвался мистер Синклер, – а Зимний дворец поистине великолепен.

При этих словах Мэри-Энн ткнула меня локотком и прошептала:

– Этот пароход был словно судьбой предназначен для вас с мужем. И фамилия у вас зимняя, Винтер, и сами вы – новобрачные.

Хотя Генри, отправляясь в Лондон по делам, решил взять меня с собой в самую последнюю минуту – сказал, что не вынесет разлуки, а кроме того, хочет отпраздновать нашу свадьбу в Европе, чтобы его не заклевала мать, которая рисовалась мне огромным ястребом, – слова Мэри-Энн высветили мою избранность и вместе с тем обреченность. В последующие дни я занималась тем, что придумывала для нас с Генри изумительной красоты особняк под названием «Зимний дворец». Прохладные анфилады оканчивались солнечными террасами, арочные окна выходили в изумрудный парк. Это была архитектура моей мечты; я часами бродила из зала в зал, на ходу меняя податливые детали внутреннего убранства.

По мнению Генри, попасть в Лондон проще всего было на ходком пакетботе, небольшом почтово-пассажирском судне. Тогда мы еще не были женаты, а потому Генри хотел избежать встреч с кем бы то ни было из знакомых, чтобы нас не разоблачили до обмена кольцами, – перед отплытием у нас было времени в обрез; тем не менее капитану мы представились как супруги. Генри шутки ради выставлял нас парочкой весьма скромного достатка, обещая, что обновлением своего гардероба мы займемся уже в Лондоне. Я умолчала, что мне, в сущности, нечего обновлять, и мысленно посмеялась: вот до чего дожила – притворяюсь бедной!

На пакетботе было еще семеро пассажиров, и среди них только одна женщина. Всех нас кормили в кают-компании вместе с капитаном, совсем по-домашнему, и мы сами накладывали себе еду с больших подносов, которые передавались с одного конца стола на другой. Однажды разговор коснулся избирательного права для женщин, и одинокую пассажирку спросили, каково ее мнение на сей счет.

– Да мне как-то все равно, – ответила она, польщенная таким вниманием: обычно мы с ней не принимали участия в общей беседе.

А я вдруг с горячностью выпалила:

– Разумеется, женщины должны голосовать! – Не то чтобы я и в самом деле так думала, но просто считала, что мужчины нагло манипулируют этой беззащитной женщиной для доказательства собственных идей.

Когда мы остались вдвоем, Генри с гордостью сказал:

– Думаю, они от тебя такого не ожидали!

За общим столом мы с ним обычно помалкивали, предпочитая беседовать наедине.

После рассказа мистера Харди пассажиры стали вспоминать, где именно их застал взрыв, и гадать, чем он был вызван. Мнения разделились: одни считали взрыв главной причиной гибели судна, другие – побочным эффектом.

– Побочным эффектом чего? – спросил полковник, но никто ему не ответил.

У многих не сходил с языка «Титаник», картинно затонувший года два назад. Оказалось, что среди выживших была младшая сестра миссис Маккейн, и мы жадно слушали рассказ о ее приключениях, требуя новых и новых подробностей. На «Титанике» ощущалась нехватка спасательных средств, но уж тех, кому посчастливилось занять место в шлюпке, спасли очень скоро.

– «Титаник» затонул ночью, и многие пассажиры даже не успели толком одеться, – рассказывала миссис Маккейн. – Моя сестра уже говорит об этом с юмором, но она страшно терзалась оттого, что на ногах у нее были только расшитые самоцветами арабские тапочки, а потому при посадке в шлюпку, равно как и при высадке, из-под платья у нее виднелись голые лодыжки.

Все пассажирки нашей шлюпки, включая меня, разом взглянули на свои ноги и залились румянцем: этот рассказ очень кстати напомнил, что где-то еще существует мир, в котором люди терзаются от вида своих голых лодыжек.

Мистер Нильссон, служивший в какой-то судоходной компании, рассказал, что другой лайнер, точную копию «Титаника», планировалось назвать «Гигантиком», но после катастрофы владельцы пароходства «Уайтстар лайн» одумались и дали ему имя «Британник».

– Так лучше звучит; да и зачем искушать судьбу.

– Можно подумать, «Титаник» погубило его название, – возразила миссис Маккейн. – «Титаник» столкнулся с айсбергом. Может, и с нами случилось то же самое?

– Исключено, – заявил мистер Харди. – После гибели «Титаника» трансатлантические маршруты были смещены к югу, чтобы такое не повторилось.

Мистер Синклер добавил, что к большинству шлюпок «Титаника» помощь подоспела в течение четырех часов, и эти сведения вкупе с тем, что прежде говорил мистер Харди, внушили нам веру в близкое, хотя и запоздалое, спасение.

Мистер Харди рассказал, что после крушения «Титаника» требования к безопасности ужесточили; впрочем, на деле они подчас не соблюдались. Из-за пожара на борту «Императрицы Александры» и сильного крена судна спусковые механизмы заедало, а на палубе, понятное дело, начался полный хаос, потому как люди не понимали, что стряслось и куда им кидаться.

– Меня буквально выбросило из постели, – вставила миссис Форестер, молчаливая пожилая дама, которую я не раз встречала на палубе. – После обеда я пошла в каюту вздремнуть, а Коллин отправился играть в карты. Я было подумала, что это он вернулся, как всегда, в подпитии да и рухнул прямо на меня. Конечно, я за него переживаю, но он из тех, кому море по колено, – надеюсь, выжил.

Это было весьма вероятно – выжить удалось и нам, хотя каждому врезалось в память, как некоторые бросали детей в море, чтобы спасти их от бушующего пламени.

Изабелла поинтересовалась:

– Почему нашу шлюпку сперва начали спускать на воду, а потом опять подняли? – Вслед за тем она обратилась непосредственно к мистеру Харди: – Вы-то должны знать. Сами ведь рассаживали пассажиров.

Мистер Харди, который сегодня был непривычно разговорчив, ответил только:

– Понятия не имею.

Но Изабелла не унималась:

– Как вы думаете, кто-нибудь подобрал ту девочку, что ударилась головой о борт нашей шлюпки при подъеме?

– Какую девочку? – заволновалась миссис Флеминг: она пребывала в полном отчаянии, не зная, какая судьба постигла ее семью, и не питала тех иллюзий, которыми утешались остальные.

– Ту, которую сбило нашей шлюпкой.

– Разве кого-то сбило? Это была Эмми? Речь ведь не об Эмми, правда? – Миссис Флеминг объяснила, что мужа с дочерью оттерли от нее во время безумного столпотворения у шлюпок, а она не сразу это заметила. – Они держались за мной! Я где-то сломала запястье, и Гордон протолкнул меня вперед. Я думала, они сзади!

Ханна, пригвоздив Изабеллу суровым взглядом, заявила:

– Она ошиблась. Никто головой не ударялся. – И тут же выдумала, будто видела полупустую шлюпку, подбиравшую людей из воды.

Ее поддержала и миссис Грант, которая пресекла всякие кривотолки. Она резко сменила тему и принялась рассказывать, как мистер и миссис Уортингтон в самый разгар паники сидели в шезлонгах и спокойно покуривали.

– Он говорит: «Перво-наперво спасайте женщин и детей», а она: «Я без моего Уорти никуда».

Что-то похожее я потом услышала про супружескую пару с «Титаника» и задумалась, не перекроила ли миссис Грант старую историю, чтобы отвлечь миссис Флеминг от скорбных мыслей.

– Вот что значит настоящая любовь! – мечтательно произнесла Мэри-Энн.

Ужас и смерть в этом рассказе подернулись романтическим флером и даже приобрели некую осмысленность. Если вдуматься, Генри тоже проявил ко мне истинное чувство, разве что без эффектных фраз и без сигареты. Я старалась не вспоминать паническое выражение его лица, когда он в сутолоке подтолкнул меня к мистеру Харди, умоляя во что бы то ни стало найти мне место. Мы даже не попрощались: я хотела расцеловать Генри, взять с него обещание сесть в следующую шлюпку, но он, не замечая ничего вокруг, отдавал какие-то распоряжения мистеру Харди, а я онемела от страха. Теперь я рисовала в своем воображении картину, где он машет мне с палубы, сидя в шезлонге, и гнала от себя видения, в которых он барахтался в черной, холодной воде и отчаянно хватался за обломки корабельных досок. Но больше всего мне нравилось представлять, как Генри, в шикарном костюме, купленном по случаю нашего бракосочетания, встречает меня в Нью-Йорке. Генри обладал удивительной способностью получить столик в переполненном ресторане или в последний момент достать билеты в оперу. По странной иронии судьбы тот же магический дар позволил ему раздобыть билеты на «Императрицу Александру». Из-за войны, маячившей на горизонте, многие американцы спешили вернуться на родину, и о каюте первого класса не приходилось даже мечтать, но, когда я полюбопытствовала, как ему это удалось, он лишь сказал: «Это маленькое чудо. Как и наше с тобой знакомство, которое избавило меня от женитьбы на Фелисити Клоуз».

Мистер Харди повторял: «Шлюпок было предостаточно – двадцать штук, на сорок человек каждая», но теперь даже невооруженным глазом было видно, что вместимость шлюпок завышена. Впрочем, это была неплохая выдумка, которая помогла мне убедить себя, что Генри спасся, хотя я сама видела, какой хаос царил на «Императрице Александре» в последние минуты ее существования. Потом стало известно, что почти все шлюпки правого борта уничтожил огонь, а многие другие отчалили от пылающего судна полупустыми.

В четыре часа мы съели по галете с кусочком сыра. Полковник Марш был обладателем больших карманных часов, и Харди поручил ему следить за временем. Теперь он то и дело требовал: «Время, сэр!» – и полковник, достав из

кармана свой хронометр, объявлял точное время. При этом он раздувался от собственной значимости, но старательно напускал на себя скромный вид, как бы преуменьшая свою немаловажную роль. Мистер Харди уже говорил ему, что с помощью часов можно определить долготу, и они долго обсуждали, как это делается. Как видно, собравшись с духом после такой беседы на равных, полковник решился:

– Нельзя ли слегка увеличить наш паек? Припасов здесь хватает, да к тому же на таких оживленных путях вот-вот появится встречное судно.

Помимо всего прочего, коробки галет и анкерки с питьевой водой загромождали корму. Но мистер Харди наотрез отказался пересмотреть размер пайка.

– Харди-то у нас кремень! – почти любовно посмеивались мы.

Оставаясь совершенно разными, все постепенно сплотились вокруг него – похожим образом вокруг простой песчинки образуется жемчужина.

Высокие облака стали золотисто-розовыми; кое-где их пронзали сверкающие пучки солнечного света.

– Посмотрите! – воскликнула хозяйка гостиницы, миссис Хьюитт, и все умолкли, потому что солнечный луч пронзил шлюпку, и мы, потрясенные, озаренные этим дивным светом, плыли в торжественной тишине, пока Мэри-Энн не запела «Храни нас Бог в потоке дней».

Как и следовало ожидать, горничная-француженка Лизетт расплакалась; пока не стихли последние ноты песни, над шлюпкой было чистое небо.

Смысл этого природного – или божественного – явления вызвал множество пересудов. Священник сказал:

– Осмелюсь предположить, этот луч света знаменует, что все мы в этой шлюпке избраны для спасения.

– До спасения еще дело не дошло, – заметила Ханна.

Я хотела сказать: «На Бога надейся, а сам не плошай», но после первых трех слов осеклась, поймав на себе оценивающий, если не пронзительный взгляд миссис Грант. На этот раз она не пела вместе с остальными и, казалось, ушла в себя, не разделяя возвышенного чувства единения на фоне красоты заката и не радуясь, что судьба к нам милостива. Зато остальные не впали в уныние даже после того, как мистер Харди провел ревизию наших припасов и внес поправку – теперь воды и съестного оставалось дня на три-четыре; все думали, что столько не понадобится.

Ночь

Опустилась тьма, но мы продолжали петь. Ханна, которая успела сблизиться с миссис Грант или была знакома с нею прежде, смотрела на меня с каким-то странным выражением; я инстинктивно пригладила волосы, решив, что мой вид вызывает осуждение. У Ханны были серые глаза и длинные, густые волосы, которые морской ветер скручивал в тугие пряди. Наброшенная на ее плечи тонкая пелерина крыльями развевалась на ветру, отчего Ханна делалась похожей на богиню в облике птицы. Когда настала ее очередь вычерпывать воду, она поменялась местами с моей соседкой и, обняв меня за плечи, шепнула на ухо, что даже сейчас видит во мне красавицу. Никогда еще я не была так счастлива, по-настоящему, глубоко счастлива. Мне повезло выжить, да еще безраздельно завладеть вниманием другого человека. Ее дыхание согрело мне щеку, а когда она слегка отодвинулась, мы еще долго смотрели друг на друга. Я убрала с ее лица прядь волос и откинула ей за спину. Хотела улыбкой выразить свои чувства, но из этого, похоже, ничего не вышло. Дело в том, что до этого я поймала на себе взгляд мистера Харди и буквально оцепенела от холода, одновременно ощущая и тяжесть, и невесомость: он смотрел сквозь меня, будто плотского во мне было не больше, чем в воздухе, но глаза его пронзали меня насквозь, и я преисполнялась тем же трепетом, что поразил Деву Марию, когда к ней спустился архангел Гавриил с благой вестью. Перед Ханной я тоже робела, хотя и не так, как перед мистером Харди, но теперь подумала, что мы сможем подружиться. Затянувшееся молчание прервала миссис Кук, спросив:

– Кажется, в другой шлюпке была Пенелопа Камберленд, это так?

Никто не отозвался, и после короткой паузы я ответила, что тоже узнала ее.

– Вы заметили, как они с мужем из кожи вон лезли, чтобы получить приглашение за капитанский столик? Вот вам и сливки общества. Миссис Камберленд других за людей не считала, но таким особам не приходит в голову, что другие отвечают им взаимностью. Однажды я ненароком подслушала их спор: оказывается, мистер Камберленд не так уж обеспечен, как они изображали. Эта мадам заявила: «Капитанский стол не про нас: у меня нет ни одного приличного платья!» А он: «Да кому придет в голову разглядывать твое платье?» А она ему, с такой досадой: «Много ты понимаешь!» – и фыркнула еще.

Прошло несколько минут, и миссис Кук зашептала мне на ухо:

– Разумеется, она передо мной ужом вилась, но меня не проведешь. Она ведь была уверена, что таким, как я, не место за капитанским столом. Давала понять, что компаньонка ничем не лучше прислуги и что я только лишь заботами миссис Маккейн оказалась в первом классе. Вбила себе в голову, что компаньонка нужна миссис Маккейн потому, что у той мужа нет. Сама-то выскочила замуж, вот и заносилась перед одинокой женщиной. А уж какие взгляды на нее капитан бросал! Там дело нечисто, помяните мое слово!

Вряд ли справедливо было обрушивать всю враждебность по отношению к чете Камберленд на молочно-белые плечи Пенелопы, а мистера Камберленда при этом сбрасывать со счетов. Что до меня, я находила Пенелопу обворожительной, а ее благоверного – занудой, но жена, как известно, всегда представляет собой более легкую мишень. Я попыталась объяснить, что попасть за капитанский стол можно только по личному приглашению капитана и основанием для такого приглашения, насколько мне известно, служит положение в обществе, а значит, нет смысла рассуждать о шатком финансовом благополучии Камберлендов и о каких-то происках с их стороны.

– Вот и я говорю! – зачастила миссис Кук в полный голос, либо пропустив мимо ушей все разумные доводы, либо желая настоять на своем. – Не было у них ни положения, ни денег! Слышала я, как ее муженек с капитаном Саттером договаривался. Не скажу, что разобрала все до последнего слова, но суть уловила; после того случая они с женой, что ни день, мчались в ресторан впереди всех и качали права. Вы ведь тоже сидели за капитанским столом, Грейс, не так ли? Камберленды хоть раз обмолвились, за что им такая честь?

– При мне – нет, а расспрашивать я не привыкла. По моему опыту, любое событие можно объяснить хоть пятью причинами, однако главной всегда окажется

шестая.

Я действительно кое-что знала о Камберлендах, но поклялась хранить тайну и не видела оснований посвящать в нее назойливую миссис Кук.

Конечно, попытка прекратить поток ее измышлений была сродни порыву остановить на полпути океанскую волну. Миссис Кук считала себя непревзойденной рассказчицей, а сидящие рядом с ней внимали каждому ее слову. Когда ей задавали вопросы, она в угоду своим слушателям придумывала новые гипотезы и подробности. Теперь она изрекла:

– Кто привык к большим деньгам, того оскорбляет сама мысль, что его жизнь может в одночасье измениться. К примеру, мистер Винтер и вы, Грейс, были весьма состоятельными людьми, правда? Наверно, вы и помыслить боялись, что фортуна от вас отвернется?

Мне с детства внушали, что разговоры о деньгах – это дурной тон, поэтому я решительно заявила, что финансовыми вопросами в нашей семье занимается Генри, а я их практически не касаюсь.

В своих рассказах миссис Кук не чуралась интимных подробностей и зачастую переходила на заговорщический шепот, подогревая интерес слушателей, так что мы вынужденно придвигались к ней поближе, чтобы ничего не упустить. Другой рассказчик, мистер Синклер, человек достаточно образованный, делился с нами тем, что узнал из книг. Его голос рокотал над водой, и зачастую все пассажиры шлюпки поневоле становились его слушателями, особенно по вечерам, когда звуки разносились дальше, чем днем. В какой-то связи разговор у нас зашел о памяти, и мистер Синклер поведал, что уже очень давно, в четвертом веке до нашей эры, Аристотель затрагивал эту тему в одном из своих трактатов.

– Аристотель утверждал, что память сопряжена только с прошлым, но не с настоящим и не с будущим, – начал он, однако его тут же прервал мистер Хоффман:

– А то мы без него не знали!

Но я попросила не перебивать, и мистер Синклер продолжил:

– Аристотель разграничивает собственно «память», которая, с его точки зрения, развита даже у медлительных, и «припоминание», которое легче дается проворным и сметливым.

За точность дальнейшего изложения не поручусь, но смысл сводился к тому, что не бывает памяти о настоящем, ибо оно постигается только ощущением, тогда как память – это воспроизводимое впечатление о каком-нибудь событии прошлого. Припоминание – это и есть то самое воспроизведение: человек запускает мыслительный процесс и с его помощью извлекает сведения из памяти, которая сама по себе не подлежит мгновенному воспроизведению. Я не случайно заговорила об этом именно сейчас: мои записи требуют настойчивого припоминания. Бывает, вспомню какие-нибудь одно событие, а второе приходит много позже, тянет за собой третье, четвертое и так далее, пока не выстроится вся цепочка.

Следующий рассказ мистера Синклера был про Зигмунда Фрейда, который совершил революцию в науке о человеческом сознании, но писал скорее не о том, что мы помним, а о том, что забываем, – процесс этот неотделим от наших жизненных стимулов, главными из которых являются инстинкты самосохранения и продолжения рода. С моей точки зрения, мистер Синклер мог дать сто очков вперед миссис Кук, но женщины в большинстве своем предпочитали слушать именно ее.

Ночь была безлунной, в воздухе собиралась влажная тяжесть. Умиротворяющее впечатление от тихого вечера постепенно улетучилось, хотя особых неприятностей не произошло, если не считать прогноза на утренний дождь, брошенного мистером Харди мистеру Хоффману. Когда мы представили, чем обернется для нас ненастье, по рядам прокатились нервные смешки.

После этого все разговоры прекратились, каждый остался наедине со своими мыслями, и тишину нарушали только мерные удары воды о днище шлюпки. Примечательно, что в первые ночи все пассажиры спали: одни в нашем «дортуаре», по очереди, другие – прислонясь к соседям или положив голову на колени тому, кто не возражал. Мы объясняли это изнеможением и пережитыми потрясениями (еще не ведая, какая бездна изнеможения и потрясений ждет нас впереди), но сохраняли оптимизм и репетировали в уме, как будем живописать эти приключения близким, когда вернемся домой.

Среди ночи меня разбудили крики. Кто-то из мужчин спешил оповестить, что вдалеке показались огни. Подтвердить это никто, включая меня, не смог, хотя я и вглядывалась в ночной мрак до боли в глазах. Снова провалившись в сон, я очнулась перед самым рассветом, встала и вознамерилась пройти в маленькую туалетную комнату, которая была у нас с Генри в каюте, но вовремя вспомнила, где нахожусь. Тогда я засунула под юбку один из ковшей и облегчилась, суетливо одергивая платье и стараясь не привлекать внимания. У меня вызывало легкую неприязнь поведение мужчин, которые без лишних церемоний расстегивали брюки, чтобы пустить струю прямо через борт. Со временем неловкость утратила свою остроту: мы так мало пили, что позывы возникали все реже и реже. Но взаимная неприязнь никуда не делась. Просто для нее находились иные поводы.

День четвертый

Ложная ночная тревога или, скорее, неподтвержденная весть об огнях на горизонте имела тягостные последствия. Среди пассажиров возобновилось обсуждение последних минут нашего парохода; романтика вчерашнего пения и восхитительного зрелища солнечных лучей оказалась бессильна перед жестоким разочарованием этой ночи, и мы начали погружаться во мрак уныния. Пасмурная погода только усугубляла это чувство. На неразличимом горизонте серое небо перетекало в серое море. Харди обратился ко мне:

– Облака-то нынче не белые, верно, миссис Винтер?

И Мария, заслышав это, уже собралась вскочить и рвать на себе одежду.

– Сидеть, – рявкнул Харди, – не то привяжу!

Не понижая голоса, миссис Грант осведомилась:

– Кто именно увидел эти огни?

– Престон – вот там сидит, – поспешил дать ответ мистер Синклер. – Он и увидел.

– Да, это правда. Я же не выдумываю. – Круглолицему, солидному мистеру Престону словно не хватало воздуха.

– В какой стороне? – светским тоном поинтересовалась миссис Грант, словно выясняла дорогу к отелю. – Постарайтесь вспомнить.

Мистер Престон заметно приободрился:

– Пять румбов от ветра.

Харди научил нас использовать деления циферблата и стрелки часов, чтобы определять местоположение объекта относительно направления ветра или курса судна, поэтому все мы, получив точные сведения, разом повернули головы, будто надеялись что-нибудь высмотреть справа по носу. В голосе миссис Грант всегда звучала неослабная весомость, авторитетность, которая переходила на любого, к кому она обращалась, а мистеру Престону, как я поняла, только и требовалось уважительное внимание к его словам.

Но тут вмешался Харди.

– За последний час направление ветра изменилось на сорок пять градусов. – И он махнул рукой совсем в другую сторону.

– Ох! – вырвалось у Престона, который приуныл, боясь лишиться доверия. – В конце-то концов, я же бухгалтер, а не моряк, но люди моей профессии славятся своей четкостью. Я приметлив, да и память – как у слона. Это вам любой подтвердит, кто меня знает. Говорю, что видел огни, – значит, видел.

– Минуту внимания! Слушайте все! – выкрикнула миссис Грант. Меня удивило, что у нее вдруг прорезался такой громоподобный голос: до сих пор ей вполне хватало даже шепота, чтобы диктовать свою волю. – Мистер Престон видел огни вот там. – Она кивнула в ту сторону, куда указал Харди. – Нам нельзя терять бдительность. Вы должны установить наблюдение, мистер Харди. Думаю, нам следует разделиться на вахты по четыре человека, чтобы каждый в течение часа просматривал свой сектор в девяносто градусов.

А дальше она сама разделила всех пассажиров на девять смен, освободив, разумеется, от этой повинности мистера Харди, а также Ханну и себя: дескать, у них будут обязанности более общего свойства, но в крайнем случае они смогут встать на замену. Мистер Харди выслушивал эти распоряжения с каменным лицом: не иначе как ему претило идти на поводу у женщины.

Все утро кто-нибудь да порывался расспросить мистера Харди насчет тех огней, но он отмалчивался. Наверное, был оскорблен, что миссис Грант с ним не посоветовалась, распределяя новые обязанности. «Теперь уже скоро», – твердил он, оставляя нашему воображению рисовать картины ближайшего будущего. Вначале я решила, что он имеет в виду появление судна, которое возьмет нас на борт, но потом, когда меня обдало морскими брызгами, мне подумалось, что речь идет о дожде, который долго собирался, но так и не пролился с небес. И лишь совсем недавно, недели две назад, я сообразила, что говорил он совершенно о другом: о назревающем соперничестве между ним и миссис Грант, о кризисе власти, а возможно, о прояснении умов: люди очень скоро сообразят, что почем, и вернутся под его командование – но тогда у меня не было оснований для подобных выводов.

На завтрак мистер Харди роздал галеты, а когда пустил по рядам жестяную кружку с питьевой водой, предупредил, что этого объема должно хватить на троих. Я выпила ровно столько, сколько мне причиталось, но так поступили немногие. Харди угрюмо наблюдал, как люди вырывают друг у друга кружку, расплескивая драгоценную влагу.

– Как дети, право слово, – упрекнул он.

С этого момента он сам отмерял норму на одного человека и вручал ее каждому в отдельности.

Когда миссис Флеминг опять стала вслух размышлять, что же могло статься с ее дочкой, Изабелла воскликнула:

– Она имеет право знать! Я бы, например, не хотела, чтобы от меня скрывали правду.

И хотя миссис Грант сделала строгое замечание Изабелле, которая сама не ведала, что говорит, мистер Престон не сдержался:

– А ведь я тоже это видел.

Тут миссис Флеминг вскочила со своего места и, спотыкаясь о наши ноги, пробралась к Изабелле и мистеру Престону. Дергая их за рукава, она сыпала вопросами:

– Что? Что вы видели? В какую шлюпку ее посадили? Ведь не в ту, которую спустили следом за нашей? Не в ту, что перевернулась?

Мистер Престон прикусил язык, нервно стреляя глазами от миссис Флеминг к миссис Грант.

– Ну же, черт бы вас побрал! Начали – договаривайте! – визжала миссис Флеминг, и ее сломанная рука неестественно болталась из стороны в сторону. – Следующая за нами шлюпка перевернулась. У меня на глазах. Так были в ней Эмми и Гордон или нет?

– Там, как бы это… – замямлил мистер Престон.

– Давайте выкладывайте, – вмешался мистер Хоффман. – Где ваша хваленая четкость?

– Вот именно, выкладывайте! – надрывалась миссис Флеминг, поднимаясь со дна шлюпки, где, несмотря на все наши усилия, хлюпала вода.

Я обхватила ее, пытаясь поддержать, но только Ханне удалось втиснуть миссис Флеминг на сиденье между мною и Мэри-Энн, а миссис Грант заправила ей руку в косыночную повязку и набросила одеяло поверх промокшего до нитки платья, чтобы унять озноб.

– Хуже уже не будет, – бросил мистер Хоффман. – Скажите ей все как есть.

– Вы тоже ее видели? – Безумными глазами миссис Флеминг уставилась на мистера Хоффмана, и тот не стал запираться:

– А как же, конечно видел.

Больше никто не произнес ни слова. А священник совсем сжался внутри своей просторной сутаны при виде этой сцены отчаяния.

Мистер Хоффман заговорил без эмоций:

– Когда нашу шлюпку опустили до середины, а потом зачем-то стали поднимать, девочку задело бортом. И выбросило за ограждение. У меня на глазах она упала в воду. Скорей всего, она утонула.

– Это еще неизвестно, – вставила Ханна. – Откуда нам знать?

– Возможно, ее подобрали, – робко предположил священник, и я поняла, что все не сговариваясь вспомнили, как тянул к нам ручонки малыш в галстуке-бабочке и как Нильссон и Харди били веслами тех несчастных, что цеплялись за нашу шлюпку.

Сотрясаясь в неудержимом ознобе, миссис Флеминг беспрестанно повторяла:

– Благодарю вас, лучше уж знать правду.

А я про себя думала: как можно принимать на веру слова Хоффмана, если на палубе была такая сумятица?

Когда стало смеркаться, случилось нечто необъяснимое: две итальянки, которые до этого молчали, пронзительно вскрикнули и начали судорожно креститься, не разжимая объятий. И только мистер Синклер, инвалид, сумел для нас перевести, что в ответ на их молитвы им было откровение: половина из нас погибнет.

– То есть половина из нас выживет, – поправила миссис Грант, давая понять, что тема закрыта.

Казалось, миссис Флеминг пришла в чувство, и я с гордостью думала, что в этом есть и моя заслуга – ведь это я гладила ее по руке, нашептывая: «Мало ли что они тут наговорили. Вы не верьте». Потом я рассказала ей о своей краткой, но такой счастливой семейной жизни, о наших с Генри планах свадебного банкета, и меня поразило до глубины души, когда она заявила:

– Если уж говорить начистоту, Грейс вообще не место в этой шлюпке.

– Что вы, что вы! – стала увещевать Мэри-Энн все тем же примирительным тоном, каким она постоянно обращалась к миссис Флеминг.

– Как видно, ты пребываешь в неведении, Мэри-Энн, но я-то знаю. Шлюпка перегружена именно по вине Грейс. Все слышали, что сказал мистер Хоффман? Нашу шлюпку опустили до середины, а потом зачем-то стали поднимать. Мистер Харди рассадил пассажиров и приказал спускать шлюпку на воду, но тут прибежали Грейс с мужем и стали его уламывать. О чем у вас был разговор, Грейс? Это всем интересно. Я обратила на тебя внимание только потому, что ожидала увидеть в шлюпке мою Эмми. Она все время держалась за мной. Меня со сломанной рукой пропустили вперед, но я бы ни за что не села в шлюпку, не будучи уверенной, что моя дочь окажется рядом. Что посулил твой муж мистеру Харди? Когда шлюпку подняли, в нее тут же запрыгнули мистер Харди и Грейс. А Эмми, по словам мистера Хоффмана, столкнули в воду. Если Грейс не желает с нами разговаривать, пусть мистер Харди ответит!

– Шлюпку подняли только для того, чтобы выровнять, – бросил Харди. – Судно дало крен чуть ли не в двадцать градусов, под ногами солярка, пассажиры вцеплялись в каждого, на ком видели морскую форму. Поглядел бы я, как вы стали шкив крутить в таких условиях!

– Лодку подняли только в угоду вам и Грейс, других причин не было. Я же не слепая!

– Не надо так, – выдавила я: тот миг начисто стерся у меня из памяти – помню только, как из ходовой рубки валил дым, а я, с трудом переставляя ноги в толчее и сумятице, слепо двигалась куда-то рука об руку с Генри, пока неведомая сила не оторвала меня от палубы, чтобы перенести в шлюпку.

Теперь я могла только лепетать какие-то пустые слова, все еще прижимая к груди миссис Флеминг, но та не унималась:

– Отвечай: это из-за тебя перегружена шлюпка или нет? Это из-за тебя погибла моя дочурка Эмми?

Ее надтреснутый голос понизился до шепота, и другие пассажиры, которые, вероятно, не слышали продолжения, уже заговорили о своем. Только Мэри-Энн, хлопотавшая рядом со мной над миссис Флеминг, сделала еще одну попытку ее успокоить:

– Ну будет, будет, моя хорошая. Один человек погоды не делает.

– Если бы один, – прошипела миссис Флеминг, как будто открывая страшную тайну. – Я еще до двух считать не разучилась. Тут и она, и Харди. Получается двое, верно?

– И слава богу, – сказала Мэри-Энн. – Без мистера Харди мы пропали бы.

– И с ним пропадем! – проскрипела миссис Флеминг. – Помяни мое слово.

Мы с Мэри-Энн переглянулись, но миссис Флеминг уже выдохлась и замолчала. Я так и просидела до вечера, приобняв ее за плечи и утешая, как ребенка. Похоже, она ненадолго задремала, но, проснувшись, сразу заявила:

– Жаль, что ты не утонула. По справедливости рядом со мной должна сидеть Эмми, но твой муж купил тебе билетик, так ведь? В этом все и дело. Кабы не ваши деньги, не было бы и перегруза. Кабы не ваши деньги, моя дочурка Эмми была бы жива.

Обижаться на нее не стоило: она была убита горем и, как видно, заговаривалась. Я только и ответила, что на борт «Императрицы Александры» никто не мог попасть без билета.

– Не хочешь понимать – не надо, – начала она ровным тоном, но вскоре напускное спокойствие улетучилось без следа, и она разбушевалась: – Этой здесь не место! Этой здесь не место!

Трое мужчин еле-еле скрутили миссис Флеминг. Затихнув, она в конце концов обмякла всем телом между мной и Ханной, погрузившись то ли в сон, то ли в транс. Когда подошла моя очередь вычерпывать воду, вместо меня ковш взяла Мэри-Энн, чтобы только не будить миссис Флеминг.

Из-за сильной облачности солнце померкло в ожидании заката, но в полумраке я заметила, что миссис Флеминг немного успокоилась. Когда она попросила ковш, я подумала, что это для естественной надобности. Мне и в голову не могло прийти, что она станет пить морскую воду. Сама я этого не видела, однако ночью у нее начался сильный озноб, и мне то и дело приходилось поправлять сползавшее с ее плеч одеяло; мы с Ханной по очереди крепко прижимали ее к себе. В забытьи она пробормотала что-то нечленораздельное, а к утру была мертва. Позже, когда мистер Хоффман принял сторону Харди, миссис Грант поспешила обвинить Хоффмана в иезуитстве, поскольку жестокостью правды он убил миссис Флеминг.

«Императрица Александра»

Пассажиры шлюпки сплетничали о мистере Харди: дескать, они приметили этого мрачного типа, когда он нес вахту на «Императрице Александре», и уже тогда раскусили, какое у него недоброе сердце; что до меня, во время рейса я его вообще не видела. Обслуживающий персонал и палубные матросы были для меня как предметы мебели, одетые в форму и расставленные по местам для удобства пассажиров, коих представляли в первую очередь мы с Генри. Меня ослепил не только великолепный лайнер, но и собственный муж: широта его натуры вполне соответствовала его состоянию и манерам. В Лондоне Генри накупил мне целый ворох нарядов, и я летала по палубам, как сказочная принцесса, глядя вокруг с пристальным, но избирательным вниманием: меня привлекали хрустальные люстры, высокие бокалы для шампанского, морские закаты, что окрашивали небо яркой палитрой цвета, – и нисколько не интересовали винтики сложного механизма, который обеспечивал своевременную сервировку столов и верный курс лайнера. В шлюпке я сразу узнала полковника и миссис Форестер, а через некоторое время – еще и миссис Маккейн, которую частенько можно было застать за игрой в бридж или за сосредоточенным чтением романа в библиотеке на верхней палубе, зато ее компаньонку миссис Кук и прислугу Лизетту, хоть убей, не припоминала.

Впоследствии у меня появилось более чем достаточно времени, чтобы поразмышлять о событиях на пароходе – о тех, что сохранились в памяти, и тех, что из нее стерлись, – и я попыталась воспользоваться наукой припоминать и забывать, о которой говорил нам мистер Синклер. Как-то раз доктор Коул сказал, что мозг иногда сам подавляет травмирующие воспоминания; возможно,

так оно и есть, но сдается мне, что неспособность вспомнить – это отнюдь не патология, а вполне естественное следствие неизбежного положения дел, ведь в каждый отдельно взятый момент внимание человека теоретически могли бы привлечь сотни разных вещей, но органы чувств улавливают и обрабатывают только одну или две.

Тем не менее одно происшествие, связанное с экипажем «Императрицы Александры», мне все же удалось вспомнить. Перед отплытием из Ливерпуля, когда я стояла у перил, с изумлением глядя на толпы провожающих, которые пришли помахать с причала, мимо меня быстрым шагом, едва не переходя на бег, пронесся капитан Саттер. Его ботинки грохотали по палубе, а следом поспешали несколько матросов, сгибаясь под тяжестью двух больших деревянных сундуков, запертых на массивные навесные замки. Нервно оглядываясь через плечо, капитан бормотал: «Вот болваны», а потом опять устремлялся вперед и с криком «Дорогу! Дорогу!» прокладывал путь среди сотен пассажиров, которые высматривали на причале своих близких.

– Почему было сразу не оттащить их в камеру? – зашипел капитан матросам, поравнявшись со мной. – Вы бы еще объявление разослали, чтобы любой ворюга точно знал, что искать!

Я двинулась следом, но держалась на безопасном расстоянии; всякий раз, когда капитан поворачивался в мою сторону, распекая своих подчиненных, мне приходилось делать вид, будто я высматриваю кого-то в толпе, но ему было не до меня. Когда они начали спускаться вниз, у меня, словно у нарушительницы какого-то неписаного закона, екнуло сердце, и я отстала еще больше, но все же без труда расслышала каждое слово, гулким эхом отдававшееся в шахте трапа. Эта странная процессия остановилась у двери по соседству с конторой судового казначея, и капитан громко спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/rogan_sharlotta/shlyupka

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить